

Яшина Анна Александровна

МОТИВ САМОУБИЙСТВА В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА

Статья посвящена одной из актуальных проблем современного некрасоведения - мотиву самоубийства в творчестве поэта. Анализируются социально-исторические причины обращения Н. А. Некрасова к данному мотиву и его функции в поэтических текстах автора. Исследуется культурный генезис воплощенных в стихотворных текстах автора представлений о суициде, восходящих, как установлено в статье, к сентименталистской традиции, а также к канону "страшной" баллады и мифологическим представлениям. Рассматриваются также особенности художественного воплощения в текстах образа смерти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 67-71. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. 董晓. 走近《金蔷薇》——巴乌斯托夫斯基创作论. 南京: 南京大学出版社, 2006. 229 页. (Дун Сяо. Ближе к «Золотой розе» – исследование творчества К. Г. Паустовского. Нанкин: Изд-во Нанкинского ун-та, 2006. 229 с.).
10. 刘小枫. 我们这一代人的怕和爱——重温《金蔷薇》. 读书. 1988. № 6. 29-36 页. (Лю Сяофэн. Трепет и любовь нашего поколения – повторное чтение «Золотой розы» // Чтение. 1988. № 6. С. 29-36.).
11. 梁莹. 论刘小枫重读“红色经典”. 上海交通大学2007年硕士学位论文. 44 页. (Лян Ин. «Красная классика» в переинтерпретации Лю Сяофэна: дисс. ... магистра филол. н. Шанхай, 2007. 44 с.).
12. 宋安群. 再度盛开的《金蔷薇》. 出版广角. 1997. № 3. 55-56 页. (Сун Аньцзюнь. «Золотая роза» возрождается // Широкий угол публикации. 1997. № 3. С. 55-56.).
13. 徐鲁. 诗与真. 读书, 1996. № 2. 93-94 页. (Сюй Лу. Поэзия и правда // Чтение. 1996. № 2. С. 93-94.).
14. 冯仰操. 战争与情感的两样叙述 —— 比较帕乌斯托夫斯基《雪》与路翎《初雪》. 名作欣赏. 2013. № 2. 50-52 页. (Фэн Янцао. Два дискурса – война и эмоции – сравнение «Снег» К. Г. Паустовского и «Первый снег» Лу Лина // Вкус шедевров. 2013. № 22. С. 50-52.).
15. 张慧敏. 关于传记的真实性问题 —— 安徒生的爱情与中国接受. 南方文坛. 2009. № 2. 34-36 页. (Чжан Хуэйминь. Вопрос о подлинности биографии – любовь Х. Андерсена и китайская рецепция // Южный литературный форум. 2009. № 2. С. 34-36.).
16. 陈南先. 偏离与错位: 对苏联文学与中国十七年文学关系的反思 // 齐齐哈尔大学学报. 2005. № 5. 4-6 页. (Чэнь Наньсянь. Размышления об отношениях советской и китайской литературы в период «Семнадцать лет» // Вестник Цицикарского ун-та. 2005. № 5. С. 4-6.).
17. 施战军. 童话落在纸上的时辰终于到了. 99 藏书网. (Ши Чжаньцзюнь. И наступает тот час, когда сказка ложится на бумагу) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.99lib.net/book/1607/43047.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
18. 盛海耕. 《文谭百题》: 中国气派的《金蔷薇》. 散文百家. 2002. № 1. 44-45 页. (Шэн Хайгэн. «На литературной арене»: «Золотая роза» с китайским стилем // Проза разных школ. 2002. № 1. С. 44-45.).

ON KONSTANTIN PAUSTOVSKY'S INFLUENCE ON THE CHINESE LITERATURE

Yang Yan

Far Eastern Federal University, Vladivostok
danniangyu@aliyun.com

This article considers the issues related to the perception of K. G. Paustovsky in China. The story “The Golden Rose” was famous in China for its beauty and poetry. Its artistic image as a cultural symbol has a great impact on the Chinese people. Paustovsky attracts a number of the Chinese writers by his original style. They even developed “Paustovsky’s school” in China. The aim of our work is to present the Chinese ways of Paustovsky’s literary recognition.

Key words and phrases: K. G. Paustovsky; Soviet “red classics”; lyrical prose; “The Golden Rose”; poetization of prose; “Lyrical prose school”; modern Chinese literature.

УДК 821.161.1

Статья посвящена одной из актуальных проблем современного некрасоведения – мотиву самоубийства в творчестве поэта. Анализируются социально-исторические причины обращения Н. А. Некрасова к данному мотиву и его функции в поэтических текстах автора. Исследуется культурный генезис воплощенных в стихотворных текстах автора представлений о суициде, восходящих, как установлено в статье, к сентименталистской традиции, а также к канону «страшной» баллады и мифологическим представлениям. Рассматриваются также особенности художественного воплощения в текстах образа смерти.

Ключевые слова и фразы: мотив самоубийства; Н. А. Некрасов; сентиментальный натурализм; баллада; демонологические мотивы.

Яшина Анна Александровна

Московский педагогический государственный университет
fekla1319@yandex.ru

МОТИВ САМОУБИЙСТВА В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА

«Самоубийства у нас до того в последнее время усилились, – писал Ф. М. Достоевский в “Дневнике писателя” за 1876 год, – что никто уж и не говорит об них. Русская земля как будто потеряла силу держать на себе людей» [4, с. 180-181]. Действительно, на 60-70-е годы XIX века приходится небывалый в истории России всплеск суицидальной активности населения. Газеты этого периода, как отмечает И. А. Паперно, буквально кричали о самоубийстве: «“Самоубийство за самоубийством в Петербурге”, “еще одна попытка самоубийства”. <...> В марте 1871 года... обозреватель “Отечественных записок” во “Внутренней хронике” сосредоточил свое внимание именно на росте преступлений и самоубийств, наблюдаемом читателем газет: “Стоит только заняться чтением дневника происшествий и отчетов о заседаниях окружных судов – вас невольно

охватывает какой-то ужас. Если мы возьмем последний месяц старого и два месяца нового года, то увидим, что в одних только столицах застрелилось и зарезалось человек десять благородных. Неблагородных мы не берем уж в расчет, потому что их нужно считать дюжинами» [13, с. 101].

Причины «эпидемии самоубийств» середины XIX века лежат, прежде всего, в социальной сфере, в результатах политических и экономических реформ. Не углубляясь в детальный анализ этих причин, сошлемся на мнение Г. Чхартишвили, который в качестве основного фактора, стимулировавшего рост суицидальной активности населения, указывал «классический дюркгеймовский фактор – аномию» [15, с. 252]. Ликвидация крепостного права и Великие реформы разрушили традиционный жизненный уклад подданных Российской империи. Социальное и имущественное положение значительной части населения резко изменилось: элитарное самосознание, воспитание и материальные нужды стремительно разоряющегося дворянства перестали отвечать пореформенным жизненным реалиям, что делало эту группу населения лидером по числу самоубийств. В суицидогенной социальной ситуации оказались и крестьянские, и мещанские дети, в результате реформ получившие образование, но, как правило, обреченные на бедность и «неблагородный» образ жизни. В результате значительных социально-экономических сдвигов разрушались сложившиеся общественные идеалы и моральные нормы, религиозное сознание переживало кризис, потребовавший от людей резкой экзистенциальной переориентации.

Немалую роль сыграл и так называемый «эффект Вертера» [7; 17]: в ходе Великих реформ государственный контроль над прессой в России был ослаблен, и газеты – впервые за долгие годы – получили возможность освещать на своих страницах ранее запретную тему суицида. Повышенное внимание, которое уделялось в российской прессе 1860-1870-х годов теме самоубийства, также послужило одним из факторов, стимулировавших суицидальную активность населения.

Русская культура середины XIX века выдвинула проблему суицида едва ли не на первый план: причины небывалого роста числа самоубийств по-разному осмыслились представителями различных направлений общественной мысли и стали предметом оживленных дискуссий.

Освещением случаев суицида занимались преимущественно публицисты либеральной и демократической ориентации, пытавшиеся сделать достоянием общественности научный подход к этой проблеме и пропагандировавшие достижения позитивистской социологии и моральной статистики. Так, Н. К. Михайловский еще в 1870-х годах писал о роли подражания в самоубийстве, рассматривая последнее в рамках разрабатывавшейся им социологической теории «героев и толпы». Правая печать, ставившая целью борьбу с либеральными веяниями, трактовала учащение случаев суицида как закономерное следствие распространения нигилистических идей и доказательство их безусловной опасности для общества.

В развернувшуюся полемику активно включались писатели и поэты, самоубийство стало популярной темой художественной литературы [16]. Н. А. Некрасов оказался одним из первых авторов, попытавшихся подвергнуть это явление системной эстетической рефлексии.

В большинстве текстов суицид осмысливается им в *социально-психологическом аспекте* и изображается как явление типическое, как специфическая черта современной эпохи.

В ряде произведений мотив самоубийства используется для *создания исторического фона, характеристики социальной действительности*, как, например, в известном стихотворении «Утро» (1872-1873) и поэме «Современники» (1875). Суицид в «Утре» описан как (1) явление, с одной стороны, типичное и частотное, что вполне соответствует исторической действительности и сообщает стихотворению злободневность. Типичность подчеркнута, в частности, употреблением неопределенных местоимений: «На позорную площадь кого-то / Повезли – там уж ждут палачи... Кто-то умер... Где-то в верхнем этаже раздался / Выстрел: кто-то покончил с собой...» [10, с. 117-118]. Самоубийство представлено автором также как явление (2) закономерное: существование в сумрачном и гибельном Петербурге, населенном торгашами, палачами, проститутками и ворами, невыносимо, и самоубийство становится логическим его итогом (заметим, что оно совершается «где-то в верхнем этаже»: верхние этажи домов, как и подвалы, в Петербурге XIX века заселяла городская беднота). На типичности и повторяемости самоубийства сделан акцент и в поэме 1875-го года «Современники»: «Лакей принес пучок газет; / Я жадно их раскрыл, / Минуй кражу и пожар / И ряд самоубийц, / Встречаю слово "юбиляр", / Читаю список лиц, / Стяжавших лавры...».

Однако чаще *мотив самоубийства становится основой сюжета стихотворения*. В стихотворениях «Нравственный человек» (1847), «Вино» (1853), «Эй, Иван!» (1867), «Про холопа примерного, Якова верного» (1876) рассматриваемый мотив разрастается до *типического сюжета «крепостной кончает с собой / пытается покончить с собой из-за несправедливого отношения к нему барина»*. В первых трех текстах, как нам кажется, этот сюжет интерпретирован автором в духе «сентиментального натурализма» [2; 3].

Влияние сентименталистских моделей здесь не столько проявляется на уровне поэтики, сколько выражается в апелляции автора к этическим ценностям, открытым сентименталистской культурой: внесловной ценности и права на человеческое достоинство каждой личности. Героями этих произведений оказываются бедные, «незначительные», но при этом способные на глубокие переживания, люди, остро чувствующие трагизм своего социального положения.

Так, в стихотворении «Нравственный человек» читаем: «Крестьянина отдал я в повара, / Он удался; хороший повар – счастье! / Но часто отлучался со двора / И званию неприличное пристрастье / Имел: любил читать и рассуждать. / Я, утомясь грозить и распекать, / Отчески посек его, каналью; / Он взял да утопился: дурь нашла!» [9, с. 58-59]. Самоубийство потрясенного поркой крестьянина-повара подразумевает в нем обостренное чувство собственного достоинства, душевную тонкость и поистине сентименталистскую «чувствительность».

Указание на пристрастие к чтению и «рассуждениям», не соответствовавшее его «низкому» происхождению и образу жизни, кроме того, находит значимое в рассматриваемом сентименталистском контексте соответствие в эпизоде самоубийства слуги в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина: «Сего мая 28 дня, в 5 часов утра, в улице Сен-Мери застрелился слуга господина N. Прибежали на выстрел, отворили дверь... Несчастный плавал в крови своей; подле него лежал пистолет... Между разбросанными по столу бумагами нашлись стихи, разные философические мысли и завещание. Из первых видно, что сей молодой человек знал наизусть опасные произведения новых философов; вместо утешения извлекал из каждой мысли яд для души своей, не образованной воспитанием для чтения таких книг, и сделался жертвою мечтательных умствований. Он ненавидел свое низкое состояние и в самом деле был выше его как разумом, так и нежным чувством» [6, с. 489].

Герой стихотворения «Эй, Иван!» (1867), крепостной слуга, не отягощен знаниями и страстью к философствованию; напротив, автор изображает его пьяницей, воров и лгуном: «Ремесла Иван не знает, / Делай, что дают: / Шьет, кует, варит, строгают, / Не потрафил – бьют! / “Заживет!” Грубит, ворует, / Божится и врет / И за рюмочку целует / Ручки у господ. / Выпить может сто стаканов – / Только подноси» [10, с. 55-56]. Но даже в герое, казалось бы, окончательно опустившемся, автор видит, прежде всего, человека в гуманистическом понимании этого слова, личность, достойную сострадания и уважения. Попытка самоубийства открывает духовную драму героя, заключающуюся в утрате им самоуважения, неосуществимости в крепостническом обществе его желания быть признанным: «Господа давно решили, / Что души в нем нет. / Неизвестно – есть ли, нет ли, / Но с ним случай был: / Чуть живого сняли с петли, / Перед тем грустил. / Господам конфузно было: / “Что с тобой, Иван?” – Так, под сердце подступило, – / И глядят: не пьян! / Говорит: – Вы потеряли / Верного слугу, / Все равно – помру с печали, / Жить я не могу! / А всего бы лучше с глотки / Петли не снимать... – / Сам помещик выслал водки / Скуку разогнать. / Пил детина ерофеич, / Плакал да кричал: / – Хоть бы раз Иван Мосейч / Кто меня назвал!.. » [Там же, с. 57].

В стихотворении «Вино» (1853) также анализируется психологическая реакция «маленького человека» на несправедливое наказание: «Без вины меня барин посек, / Сам не знаю, что стало со мной? / Я не то чтоб большой человек, / Да, вишь, дело-то было впервой. / Как подумаю, весь задрожу, / На душе все черней и черней. / Как теперь на людей погляжу? / Как приду к ненаглядной моей? / И я долго лежал на печи, / Все молчал, не отведывал щей; / Нашептал мне нечистый в ночи / Неразумных и буйных речей. / И наутро я сумрачен встал; / Помолиться хотел, да не мог, / Ни словечка ни с кем не сказал / И пошел, не крестясь, за порог» [9, с. 66].

В данном случае мотив самоубийства оказывается вытесненным в подтекст; в стихотворении не сказано, что герой задумал покончить с собой, однако, как нам кажется, на это намекает упоминание «нечистого». В славянском фольклоре за чертом устойчиво закреплена функция подстрекательства к самоубийству: «Воздействие нечистой силы на висельника, надевающего на себя петлю по наущению или прямо с помощью дьявола, считается у славян почти повсеместно причиной самоубийства» [1; 14, с. 378], суициденты «благословляются» чертом, после смерти служат ему. Учитывая, с одной стороны, фольклорный контекст, с другой – повторяемость рассматриваемого сюжета («крепостной кончает с собой из-за несправедливости со стороны барина») в поэзии Н. А. Некрасова, на которую указывалось выше, можно утверждать наличие в «Вине» интересующего нас мотива на подтекстовом уровне.

В 1876-м году поэт снова обращается к разработке рассматриваемого нами сюжета в стихотворении «Про холопа примерного – Якова верного», вошедшем в главу «Пир» поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Здесь сюжет интерпретируется в ином ключе – текст этот явным образом *ориентирован на традицию «страшной» баллады*.

В первую очередь, обратим внимание на использование типично *балладных локусов* для конструирования пространства текста: действие кульминационного эпизода стихотворения «Про холопа примерного...» разворачивается в *лесной чаще* («Едут... Направо *трущоба лесистая*, / Имя ей исстари: *Чертов овраг* <...> не дорога – беда! / Ямы, валежник; бегут по оврагу / Вешние воды, *деревья шумят*... / Стали лошадки – и дальше ни шагу, / *Сосны стеной перед ними торчат*...») [11, с. 198]. Также Н. А. Некрасов обращается к характерной для «страшной» баллады *демонологической образности*: «Вожжи у Якова дрожмя дрожат, / Крестится: “*Чур меня, сила нечистая!*” / Шепчет: “*Рассыпья!*” (*мутит его враг*). / Едут... Направо *трущоба лесистая*, / Имя ей исстари: *Чертов овраг*» [Там же]. Ср. в первоначальной редакции текста: «Руки у Якова дрожмя дрожат / Молится: Чур меня, сила нечистая» [Тут собирается сила нечистая; / Лошади что-то замедлили шаг, / Стало потряхивать...] [Там же, с. 535]. Прибегает автор и к использованию *анималистического кода баллады* с целью создания специфически балладной мрачной и зловещей атмосферы: «Зги не видать! только совы снуют, / Оземь ширясь крылами... горят / Чьи-то два круглые, яркие ока, / Птицы какие-то с шумом летят, / Слышно, посели они недалеко, / Ворон над Яковым каркнул один, / Чу! их слетелось до сотни!» [Там же, с. 499].

Акустические образы для конструирования пространства и «страшной» атмосферы баллады оказываются столь же важными, как и визуальные. Набор звукообозначений, используемых в данном жанре, так устойчив, что, как нам кажется, допустимо говорить и о своеобразном акустическом коде, в который будут входить акустические характеристики демонологических персонажей; лексеммы со значением «звук», в семный состав которых входят семы «неясности», «тревожности», «таинственности» (*шелест, шепот, шорох, гудение колокола, уханье совы, карканье ворона* и т.п.); лексеммы, которые обозначают звуки, издаваемые людьми от боли или сильного эмоционального потрясения (*плач, стон, рыдание, крик* и т.п.). В стихотворении «Про холопа примерного...» встречаются следующие «балладные» звукообозначения: «Мечется барин, *рыдает, кричит*, / *Эхо одно откликается*... Слышно, как лошади листья жуют, / Тихо звеня *бубенцами*... *Птицы какие-то с шумом летят*... *Ворон над Яковым каркнул один*... Барин в овраге всю ночь пролежал, / *Стонами птиц и волков отгоняя*...» [Там же, с. 198-199].

Стихотворение написано 4-стопным дактилем, размером, для Н. А. Некрасова связанным с конкретным балладным первообразом – балладой В. А. Жуковского «Суд Божий над епископом» [12]. Повторение размера баллады влечет за собой композиционный и образный параллелизм с ее текстом. Н. А. Некрасов повторяет ключевую идею «Суда божьего над епископом» – идею неизбежности воздаяния за совершенные грехи (ср. финалы текстов: «Так был наказан епископ Гаттон» – «Будешь ты, барин, холопа примерного, / Якова верного, / Помнить до судного дня!» [11, с. 199]), сохраняет конститутивно важное противопоставление грешника, живущего в довольстве и счастье, – его жертве (епископ Гаттон / народ → господин Поливанов / Яков), причем особо подчеркнуты *скудость* и *жестокость* героев («Скуп и жесток был епископ Гаттон, / Общей бедою не тронулся он» – «Жадный, скупой, не дружился с дворянами... Был господин Поливанов жесток») [Там же, с. 196]).

Синтаксическая организация стихотворения «Про холопа примерного...», как представляется, также выстроена «с оглядкой» на балладу В. А. Жуковского. Так, с помощью «динамического» стиха, состоящего из скопления однородных глаголов, описывается привольная жизнь героя-грешника («Он деревеньку на взятки купил, / Жил в ней безвыездно тридцать три года, / Вольничал, бражничал, горькую пил») [Там же] – «В замок епископ к себе возвратился, / Ужинать сел, пировал, веселился, / Спал, как невинный, и снов не видал...»), сцена наказания героя воссоздана с помощью звуковых образов («Слышно, как лезут с роптаньем и писком; / Слышно, как стену их лапки скребут; / Слышно, как камень их зубы грызут») – у Н. А. Некрасова господину Поливанову, оставшемуся в лесной чаще с трупом верного Якова, в тишине «Слышно, как лошади листья жуют, / Тихо звеня бубенцами... Птицы какие-то с шумом летят, / Слышно, посели они недалеко...» [Там же, с. 197]).

Таким образом, в стихотворении «Про холопа примерного...» рассматриваемый нами сюжет интерпретируется в *балладном ключе*: самоубийство Якова обрекает барина на муки совести, оно есть *справедливое возмездие за грехи*. Однако интересна и *латентная семантика* этого акта, связанная с архаическими мифологическими представлениями о суициде.

Яков, покончив с собой, поступает, как нам кажется, согласно обычаю «сухой беды». Этот, необычайно древний, способ мести обидчику зарегистрирован у многих народов (индийцев, индейцев дакота, эскимосов, банту, нивхов, ненцев, ительменов, минусинцев, удмуртов, чувашей, марийцев, финнов), в том числе и проживающих на территории России, и связан с мифологическими представлениями о *заложных покойниках*.

Заложными покойниками, согласно фольклорным воззрениям, становятся люди, умершие неестественной, насильственной смертью (в результате стихийных бедствий, самоубийств, пьянства), а также проклятые родителями дети, пропавшие без вести (они считаются похищенными нечистой силой), некрещеные младенцы, колдуны и ведьмы. По поверьям, души их не могут перейти в загробный мир, вынуждая покойников оставаться на земле и, сделавшись подручными черта, вредить людям. Заложные покойники обитают близ своей могилы, если их тело было предано земле, или на месте своей несчастной смерти [5].

«Сухая беда» как способ мести в мифологическом сознании не была связана с идеей угрызений совести: «удавившийся на дворе своего обидчика... поселяется через то самое на данном дворе в виде страшного загробного гостя... И теперь-то самый трусливый и смиренный бедняк получает возможность сторицею отомстить своему обидчику, как бы силен и богат тот ни был» [Там же, с. 86]. Поэт, избирая в качестве сюжета для своего текста один из самых мрачных народных обычаев, значительно трансформирует его изначальный смысл, заменяя «языческую», «мифологическую» логику суицидента логикой христианской: самоубийство Якова подталкивает барина к осознанию собственной греховности («Грешен я, грешен! Казните меня!» [11, с. 199] (V, 199)) и обрекает героя на муки совести.

Суицид, как ясно из изложенного выше, последовательно *оправдывается* поэтом невыносимыми социальными обстоятельствами, а *самоубийцы вызывают* не осуждение, а жалость и *сочувствие*. Это очевидным образом противоречило официальной государственной идеологии и позиции русской православной церкви. Кроме того, нужно отметить, тема самоубийства практически всегда у Н. А. Некрасова облекалась социально-обличительными коннотациями, поэтому многие из рассмотренных нами выше текстов при публикации встречали значительные цензурные препятствия.

Так, 28-й стих стихотворения «Нравственный человек» («Он взял да утопился: дурь нашла!») не был пропущен цензором. При первой публикации в «Современнике» автор был вынужден заменить его на «Он сделался пьянчужкой... дурь нашла...», а в изданиях «Стихотворений Н. Некрасова» строфа, содержащая историю повара, опускалась целиком вплоть до 1873-го года [9, с. 592]. Стихотворение «Эй, Иван!» привлекло внимание цензуры в 1869-м году. В донесении о нем Цензурному комитету цензор Н. Лебедев писал: «В означенном небольшом стихотворении проведена всегдашняя мысль Некрасова об угнетенном положении низшего класса, здесь в самом возмутительном виде представлено положение бывшего крепостного человека, употреблявшегося на всевозможные работы и получавшего в награду одни побои» [10, с. 414]. Текст главы «Пир на весь мир», в который включена баллада «Про холопа примерного, Якова верного», должен был быть напечатан в № 11 «Отечественных записок» за 1876 год, однако последовал цензурный запрет, и текст, уже набранный, был вырезан из всех экземпляров тиража «вследствие изображенных в нем возмутительных сцен крепостного права, мученичества русского солдата и вообще народного безысходного горя» [11, с. 671].

Подведем итоги. Самоубийство изображается Н. А. Некрасовым как типичное явление современной ему эпохи и оказывается связанным с критикой социальной действительности. В ряде текстов («Утро», поэма «Современник») мотив используется им для создания исторического фона. В других стихотворениях он разрастается до сюжета типа «крепостной кончает с собой / пытается покончить с собой из-за несправедливого отношения к нему барина». В стихотворениях «Вино», «Эй, Иван!» и «Нравственный человек» в трактовку

этого сюжета вносятся сентименталистские обертоны, в тексте «Про холопа примерного...» он интерпретируется в духе «страшной» баллады. В двух случаях («Вино» и «Про холопа примерного...») мотив самоубийства соплагается с демонологическими мотивами, в соответствии с фольклорными представлениями о суициде как следствии дьявольского наущения. Поэт оправдывает самоубийство своих героев невыносимыми жизненными (прежде всего социальными) обстоятельствами.

Следует отметить, что подобная – социально-обличительная – интерпретация самоубийства является не единственной в поэзии Н. А. Некрасова. Так, например, в элегии «Давно, покинутый тобою...» (1855) дана романтическая трактовка этого явления: самоубийство в тексте представлено как итог не находящей удовлетворения любовной страсти и связано с мотивом утопления – слияния с хаотичной и разрушительной водной стихией. Сходным образом суицид трактован в раннем стихотворении Н. А. Некрасова «Офелия», написанном под впечатлением от игры В. Н. Асенковой в постановке «Гамлета» на сцене Александринского театра в 1839-м году. Романтическое любовное самоубийство Офелии представляется юному поэту как растворение в первозданном водном хаосе. В стихотворении «Похоронь», явным образом ориентированном на элегию В. А. Жуковского «Сельское кладбище», в трактовку интересующей нас темы внесены сентименталистские обертоны. Самоубийство героя у В. А. Жуковского вынесено в подтекст, не названо, однако упоминание меланхолии чувствительного героя заставляет читателя догадываться о нем. Н. А. Некрасов же выводит этот мотив на первый план, выстраивая вокруг него сюжет произведения. В одном из последних стихотворений поэта, названном «Ты не забыта...», самоубийство трактуется как акт гражданского самосознания. На создание текста, как предполагается, автора вдохновила судьба одной из участниц знаменитого политического «Процесса ста девяноста трех» – самого крупного процесса над народниками, имевшего место в Российской империи. Героине этого стихотворения представляется невозможным продолжать существование, не принося пользу ближнему, суицид становится логическим завершением ее посвященной труду и служению народу жизни и воспринимается как деяние героическое.

Подробный анализ этих разрозненных случаев, однако, должен стать предметом отдельной статьи.

Список литературы

1. **Березович Е. Л., Родионова И. В.** «Текст чёрта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов // Между двумя мирами: представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции: сб. статей. М.: Прованс, 2002. Вып. 9. С. 7-44.
2. **Вершинина Н. Л.** Традиции сентиментальной культуры в прозе Некрасова 1840-х годов // Некрасовский сборник. СПб., 1998. Т. XI-XII. С. 24-34.
3. **Виноградов В. В.** Школа сентиментального натурализма: роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной традиции 40-х годов // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 141-187.
4. **Достоевский Ф. М.** Одна несоответственная идея // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти томах. СПб.: Наука, 1994. Т. 13. Дневник писателя. 1876 год. С. 180-184.
5. **Зеленин Д. К.** Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
6. **Карамзин Н. М.** Избранные сочинения: в 2-х томах. М. – Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. Письма русского путешественника. Повести. 810 с.
7. **Любов Е. Б.** СМИ и подражательное суицидальное поведение. Часть I // Суицидология. 2012. № 3. С. 3-10.
8. **Максимов С. В.** Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1996. 272 с.
9. **Некрасов Н. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти томах. Л.: Наука, 1981. Т. 1. Стихотворения 1838-1855 гг. 719 с.
10. **Некрасов Н. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти томах. Л.: Наука, 1982. Т. 3. Стихотворения 1866-1877 гг. 512 с.
11. **Некрасов Н. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти томах. Л.: Наука, 1982. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. 688 с.
12. **Немзер А. С.** При свете Жуковского: очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. 895 с.
13. **Паперно И. А.** Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 252 с.
14. **Славянские древности:** этнолингвистический словарь: в 5-ти томах. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 577 с.
15. **Чхартишвили Г.** Писатель и самоубийство. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 576 с.
16. **Lilly I.** Imperial Petersburg, Suicide and Russian Literature // Slavonic and East European Review. 1995. № 72. P. 401-423.
17. **Phillips D. P.** The Influence of Suggestion on Suicide: Substantive and Theoretical Implications of the Werther Effect // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. P. 340-354.

THE MOTIVE OF SUICIDE IN THE POETRY OF N. A. NEKRASOV

Yashina Anna Aleksandrovna
Moscow State University of Education
fekla1319@yandex.ru

The article is devoted to one of actual problems of modern Nekrasov studies – to the motive of suicide in the poet's works. The social and historical reasons for N. A. Nekrasov address to this motive and its functions in the poetic texts of the author are analyzed. The author of the article studies the cultural genesis of ideas about suicide, embodied in N. A. Nekrasov's poetry and ascending as stated in the article to the sentimental tradition, as well as to the canon of a "terrible" ballad and mythological representations. The features of artistic presentation of death image in the texts are also considered.

Key words and phrases: motive of suicide; N. A. Nekrasov; sentimental naturalism; ballad; demonological motives.